

ПУШКИН И ШОДЕРЛО ДЕ ЛАКЛО

(На пути к «Роману в письмах»)

Проблема «Пушкин и Шодерло де Лакло» почти не привлекала внимание исследователей¹⁾. Между тем, ее постановка вполне закономерна. У Пушкина есть два прямых упоминания «Опасных связей» и одно высказывание, в котором, по всей вероятности, тоже имеется в виду роман Шодерло де Лакло. Это, конечно, не так уж много, но нужно учитывать некоторые особенности рецепции романа в России, позволяющие утверждать, что два или три упоминания Пушкина об «Опасных связях», — это не так уж мало.

Исследователь, обратившийся к этой проблеме, сталкивается с неожиданным явлением: роман Лакло, пользовавшийся во Франции шумным успехом и выдержавший с 1782 по 1823 г. около десяти авторизованных и несколько десятков «пиратских» изданий, в России окружен завесой молчания. После появления в 1804 г. русского перевода романа под названием «Вредные знакомства или письма, собранные одним обществом для предостережения других» (без указания имен автора романа и переводчика) нет никаких свидетельств о жизни этой книги в России. В то время как европейская проза и, в частности, чувствительный европейский эпистолярный роман вызывает восторженные отзы-

¹⁾ В работах о Пушкине Шодерло де Лакло и его роман упоминаются редко и, как правило, в длинном ряду перечислений. Например, Б. В. Томашевский в книге «Пушкин и Франция» упоминает «Опасные связи» один раз при перечислении «фривольных» романов XVIII века, а Н. Л. Степанов в фундаментальной монографии «Проза Пушкина» называет Шодерло де Лакло в ряду европейских писателей, оказавших воздействие на прозу Пушкина. (См. Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. «Советский писатель», Л., 1960, стр. 147; Н. Л. Степанов. Проза Пушкина. АН СССР, М., 1962, стр. 35. В дальнейшем ссылки даются на это издание).

Более конкретно, хотя и мельком, упоминает два раза об «Опасных связях» Н. К. Губер. Его книга «Дон-Жуанский список Пушкина» не относится к лучшим достижениям пушкиноведения. Пушкин интересует Губера в специфическом аспекте, в основном, как Дон-Жуан, а пушкинская биография как объект пикантных разысканий, отвечающих вкусу определенного рода читателей.

вы и подражания, об «Опасных связях» почти нет откликов²⁾. А. Левинсон, автор первой фундаментальной статьи в России о Шодерло де Лакло, глубоко изучавший вопрос рецепции романа во Франции, с изумлением констатирует, что в России, кроме двух упоминаний Пушкиным «Опасных связей», ему ничего не удалось обнаружить³⁾. *Habent sua fata libelli*⁴⁾). Об «Опасных связях» все знают, все читали, но никто не упоминает. Во Франции «Опасные связи» в 1823 г. «за оскорбление нравственности» приговором уголовного суда были осуждены на уничтожение, а в 1825 г. изъяты из обращения. В России ханжеский заговор молчания заменил французский уголовный суд.

По-видимому, своей судьбой роман Лакло был обязан репутации «безнравственного» романа, которая следует за ним с момента его появления во Франции. «Желая нарисовать своих героев людьми необычными, он не устоял от искушения их приукрасить, отчего нарисованная им картина может служить не столько наставлением, сколько опаснейшим соблазном», — писал Гримм в одной из первых рецензий на роман⁵⁾. Другой причиной молчания, возможно, было то, что книга Лакло с ее углубленным изображением характеров, своеобразием творческого метода не укладывалась в рамки привычной классификации. Ее нельзя было отнести к разряду «эротических» романов, не умещалась она и в схему представлений об эпистолярном нравоучительном романе типа Ричардсона и Руссо⁶⁾).

В свете вышесказанного удельный вес немногочисленных упоминаний Пушкина о книге Лакло возрастает, особенно, если учитывать, что о ней говорится как о произведении широко известном, а об ее героях, как о лицах, ставших в какой-то мере нарицательными.

Кроме того, проблема «Пушкин и Шодерло де Лакло» не сводится к анализу прямых упоминаний. В творчестве Пушкина можно обнаружить некоторые особенности поэтики, перекликающиеся с манерой Шодерло де Лакло. Речь здесь идет, как правило, не о прямых воздействиях и реминисценциях, а о близости

2) О популярности в России европейского эпистолярного романа см: В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа. СПб, 1910, т. I, вып. 2, стр. 375.

3) А. Левинсон. «Опасные связи» и их автор, «Русская мысль», 1914, кн. 2, стр. 111.

4) Лат. Книги имеют свою судьбу.

5) *Correspondance littéraire, philosophique et critique par Grimm, Revue sur les textes originaux*, t. 13, Paris, 1880, p. 109.

6) Французский XVIII век создал несколько произведений, которые опередили свое время, вышли за рамки привычных представлений эпохи и были мало понятны и оценены не только в XVIII веке, но и в I половине XIX века. Это «Манон Леско» Прево, «Племянник Рамо» Дидро и «Рассуждение о причинах неравенства» Руссо. В России I половины XIX века на них почти нет откликов. К ним относятся и «Опасные связи».

отдельных нюансов творческой манеры, часто трудно «осязаемых» и не легко фиксируемых.

Когда идет речь о писателях такого масштаба, как Пушкин, рассуждения о всякого рода влияниях и воздействиях приобретают, большей частью, весьма условный характер. Здесь следует говорить не столько о влиянии, сколько о творческой переработке всей совокупности впечатлений окружающего мира. К числу таких впечатлений относится и усвоение предшествующей и современной литературной традиции. Чем крупнее писатель, чем шире его кругозор, тем большее число литературных фактов входит в эту усвоенную, иногда в чем-то принятую, иногда резко отвергнутую традицию. Анализ наследия Пушкина позволяет утверждать, что роль «Опасных связей» относится к числу таких литературных фактов.

«Опасные связи» (1782) — глубоко новаторское произведение⁷⁾. Являясь завершением традиции любовно-сентиментального эпистолярного романа XVIII в. (Ричардсон, Руссо), следуя всем канонам жанра, «Опасные связи» предвосхитили многие черты реалистического романа XIX—XX вв. аналитическим психологизмом, сложнейшей, точно выверенной композицией, разнообразием полнокровных характеров, стилистическим многоголосием.

До Лакло полифоничный по своей структуре эпистолярный роман не знал такого разнообразия «точек зрения» в плане оценки, психологии, фразеологии: каждый из семи основных корреспондентов романа — носитель независимого «видения» мира, из их восприятия одного и того же события возникает сложное, емкое, «стереофоническое» представление о происходящем.

Традиционное построение эпистолярного романа осложнено в «Опасных связях» наличием двух планов, «подлинного» и «обманного», переплетающихся в тончайшем, запутанном узоре. Элементы игры, притворства, маскировки пронизывают роман. Ежеминутно перед читателем возникает оппозиция между «есть»

7) «Под веткой оболочки старомодного романа обнаружилась исключительная углубленность анализа, самая потрясающая современность». А. Левинсон. «Опасные связи» и их автор, стр. 86. О Шодерло де Лакло и «Опасных связях» см.: Ch. Baudelaire. Les liaisons dangereuses. Oeuvres posthumes P. MCMVII; J. Giraudoux. Choderlos de Laclos, Littérature. P., p. 68—88; J. De Boisjolin et G. Mossé. Notes sur Choderlos de Laclos et les Liaisons dangereuses. P., 1904; Todorov. Les Liaisons dangereuses. Littérature et signification. Paris, 1957;

А. Левинсон. «Опасные связи» и их автор. «Русская мысль», 1914, кн. 2; Ю. Вилпер. Два шедевра французской прозы XVIII в. В кн.: Шодерло де Лакло. Опасные связи, ГИХЛ, 1967; А. Ф. Эфрос, Шодерло де Лакло и «Опасные связи». В кн.: Шодерло де Лакло. Опасные связи. «Academia», М—Л., 1933; Н. Я. Рыжова. Шодерло де Лакло и судьба его романа «Опасные связи». В кн.: Шодерло де Лакло. Опасные связи. «Наука», М—Л., 1965; Г. Манн. Полное собрание сочинений в 8 томах, т. 8, М. 1956; А. Моруа. Литературные портреты. «Прогресс», М. 1971.

и «кажется», многие персонажи уподоблены фигурам на шахматной доске, передвигаемым невидимым игроком.

На первый взгляд, «Опасные связи», близки предшествующему любовно-чувствительному эпистолярному роману твердой нравственной позицией, морализаторским концом, наказующим порок. Однако голос автора-рассказчика в предисловии к книге обнаруживает элемент некоей игры, «мороченья» читателя, который как бы тоже включен в «игровую стихию» романа. Прямолинейная авторская апологетика нравственной пользы от чтения этого «соблазнительного» романа заключает изрядную долю иронии, «благопристойный» конец оставляет читателя в недоумении, личности героев остаются во многом непроясненными, их судьбы — загадочными.

При всем сходстве Вальмона с другими привлекательными бытовыми «злодеями» романов XVIII в. (Ловелас, Фоблас) — это герой иного плана. Создавая образы виконта де Вальмона и маркизы де Мертей, Лакло не только довел до предела руссоистскую критику «цивилизованного» человека, но и, продолжая психологическую традицию Лафайет и Прево, предвосхитил в чем-то стремление к самоанализу романтических героев (Рене, Адольф, Октав) и мастерство «игры» на сцене жизни таких персонажей, как Сорель, Растиньяк, Бекки Шарп.

Используя возможности самораскрытия, заключенные в жанре письма, Лакло изобразил своих героев тончайшими психологами, способными подвергнуть скрупулезному анализу любой порыв своей и чужой души, предвидеть каждый шаг своих жертв, каждый перелом в развитии их чувств, неосознанные и темные инстинкты души.

Вальмон и Мертей — подлинники теоретики «любовной стратегии», основанной на знании логики развития чувства, диалектики души. Они ищут трудной борьбы, в которой «победу» приносит основанная на продуманном расчете «наука» любви, холодная и циничная. В плане статьи об «Опасных связях», отмечая главное в этих героях, Шарль Бодлер записал: «Любовь к войне и война в любви. Любовь к борьбе. Тактика, правила, методы. Слава победы»⁸).

Вальмон и Мертей — великие мастера перевоплощения, смеяны масок. С каждым корреспондентом они разговаривают «его» языком, в «его» манере. В царстве переписки они — полные хозяева: все «виды оружия», все методы, все приемы им известны. Они пересылают друг другу копии всех важных писем, своих и

⁸) Charles Baudelaire. Les liaisons dangereuses. (Notes analytiques et critiques). Oeuvres posthumes. Paris, MCMVIII, p. 178. В дальнейшем ссылки даются на это издание. Хотя эти два героя и отличаются друг от друга (Вальмон все же способен к живому чувству и подавляет его, в значительной степени, лишь под влиянием Мертей), их имена упоминаются обычно рядом.

чужих, полученных и отправленных, чем достигается полнота и «многоступенчатость» информации.

Герои Лакло играют не только в письмах, но и в жизни. С тем инстинктом театральности, который развила в нем придворная культура, Вальмон разыгрывает робость и отчаяние, застенчивость и дерзость. Вальмон и Мертей становятся самими собой только в письмах друг другу, но и здесь цинично-доверительная откровенность подчас принимает форму одной из масок.

На этих двух героев Лакло возложил до поры до времени функцию автора-рассказчика, их комментарии осведомляют читателя о «подлинном» или «обманном» характере событий, они ведут всю интригу, разыгрывают шахматную партию до того момента, пока Лакло не приводит их к столкновению друг с другом и не перемещивает по своему желанию фигуры на доске.

Наградив Вальмона и Мертей красотой, умом, образованностью, вкусом, психологической проницательностью, искусством подчинять себе людей, Лакло создал тип блестящего «сверхзлодея», отталкивающего и притягательного одновременно. Хотя на них лежит печать нравственного оскудения французского дворянства накануне революции 1789 г., эти образы полны своеобразного обаяния⁹⁾. Вальмон и Мертей приковали к себе внимание многих поколений читателей, их имена стали нарицательными, синонимами сложного комплекса понятий: холодного, бездушного разврата, утонченной рефлексии, блестящего шестивия среди поверженных сердец, талантливой стратегии в умении побеждать.

Два упоминания Пушкиным «Опасных связей» относятся к 1828—1829 гг. К этому же времени относятся начало работы над «Романом в письмах», отрывок «Гости съезжались на дачу», план романа «L'homme du monde» («Светский человек»). Однако его знакомство с произведением Лакло произошло, без сомнения, в лицейские годы, а следы некоторого воздействия «Опасных связей» заметны уже в первой главе «Евгения Онегина».

При обрисовке Онегина как знатока «науки страсти нежной» в нем подчеркнута искусство притворства, умение перевоплощаться, артистичность: «как рано мог он лицемерить», «казаться мрачным», «являться гордым», заставить свой взор «блистать послушною слезой». Онегин показан умелым «стратегом», тонким психологом. Ему открыта жизнь души, логика чувства, он умеет побеждать «умом и страстью», «приятной лестью забавлять», «подслушать сердца первый звук», «пугать отчаяньем готовым» и в конце концов «Добиться тайного свиданья... И после ей наедине Давать уроки в тишине!».

⁹⁾ «Он хотел привлечь читателей нежной, кроткой Турвель, а они восхищаются порочной Мертейль». Г. Манн. Полное собрание сочинений в восьми томах, т. 8, ГИХЛ, М, 1956, стр. 57.

Известно, что Онегин первых глав романа — герой в значительной степени книжный, в его облике запечатлены черты модных персонажей, он не только от «жизни», но и от «литературы». Таков он и в восприятии Татьяны и порою — в авторском восприятии: «Что ж он? Ужели подражанье...», «Москвич в Гарольдовом плаще, Чужих причуд истолкованье», «Или Мельмот — бродяга мрачный, Иль вечный жид, или Корсар, Или таинственный Сбогар». В глазах Татьяны, в нем слились «Любовник Юлии Вольмар, Малек Адель и де Линар, И Вертер, мученик мятежный, И бесподобный Грандисон...»

Некоторая книжность заметна и при обрисовке Онегина, как «истинного гения» любовной науки. И здесь слышится отзвук изображения литературных персонажей. «В начале романа Онегин, конечно, законченный Дон-Жуан»¹⁰), — писала А. Ахматова. В нем запечатлены черты многих «книжных» соблазнительей, но, пожалуй, из всех литературных Дон-Жуанов пушкинский герой ближе всего к Вальмону. Для простодушного в сущности Ловеласа, влюбленного в одну лишь Клариссу, или Фобласа, попадающего часто помимо воли в любовные авантюры, холодная игра, наука притворства, интеллектуальность «приемов», психологическая проникательность не являлись столь характерными чертами.

Пушкин сам намекнул на литературный источник Дон-Жуанского обличка своего героя. В черновом варианте девятой строфы первой главы значились строки: «Любви нас не природа учит, а первый лакомый роман»¹¹. «В те годы (...) таким лакомым романом par excellence считались «Опасные связи» Шодерло де Лакло, произведение утонченное и блестящее»¹²), — писал Н. К. Губер. Возможно, такая расшифровка слишком категорична (подобной «репутацией», например, пользовался и роман Луве де Кувре «Приключения Фобласа», не раз упомянутый в «Евгении Онегине»). Однако выдвинутая Пушкиным руссоистская антитеза «природа — безнравственная книга», как нам представляется, в большей степени могла быть ориентирована на «Опасные связи», чем на «Фобласа».

¹⁰) А. Ахматова. Неизданные заметки о Пушкине. Вопросы литературы. 1970, № 1, стр. 168.

¹¹) А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. АН СССР, т. 6, М.—Л, 1937, стр. 226.

¹²) Н. К. Губер. Дон-Жуанский список Пушкина. «Петроград», 1923, стр. 39. В дальнейшем цитируется это издание. В беловом варианте строфы, также не включенной в текст романа, Пушкин оставил: «Любви нас не природа учит, а Сталь или Шатобриан». Не исключено, что это исправление вызвано не только желанием поэта дать более высокую интерпретацию любви и воздействию литературы на нравы, но и переоценкой Пушкиным самого романа Лакло, произведения высокого мастерства, в котором жанр эпистолярного романа доведен до совершенства.

С обрисовкой одного из персонажей романа Лакло перекликаются и некоторые особенности характеристики Татьяны.

В «Опасных связях» герои часто высказывают мнение о персонажах предшествующих эпистолярных романов (Ричардсон, Руссо) и их оценка приобретает характерологическую функцию. До Лакло герои романов в письмах не размышляли о персонажах предшествующих эпистолярных романов. Особенно интересно в «Опасных связях» все то, что связано с «Клариссой» Ричардсона. Лакло строит свой роман на осознанной сюжетной параллели: Вальмон — Турвель, Ловелас — Кларисса, причем его герои отдают себе отчет в сходстве ситуации и вспоминают о ричардсоновских персонажах. Осознание госпожой де Турвель, юной, прелестной и нравственной супругой президента, своего духовного родства с Клариссой — важный конструктивный прием при построении ее образа¹³).

Хотя сюжетная линия Онегин — Татьяна иная, для характеристики пушкинской героини также важно ее отношение к любимым персонажам и, в частности, к Клариссе. «Воображаясь героиней своих возлюбленных творцов, Клариссой, Юлией, Дельфиной», Татьяна присваивает себе «чужой восторг, чужую грусть», находит в «опасной книге» «свой тайный жар, свои мечты». Образ Татьяны обогащен близостью к героиням большой нравственной силы и трагической судьбы. Легкая авторская ирония над «книжной романтичностью» Татьяны не уменьшает значимости этого приема в характеристике героини «Евгения Онегина».

Отдаленную перекличку с Лакло можно обнаружить в творчестве Пушкина начала 1820-х гг. (первые главы «Евгения Онегина») и, о чем будет речь выше, конца 1820-х гг. (первые опыты в прозе). Однако и в середине 1820-х гг., на наш взгляд, заметно некоторое воздействие на него «Опасных связей», характер которого определяет своеобразие первого прямого упоминания Пушкиным романа Лакло, сделанного им в письме А. Н. Вульфу от 27 октября 1828 г.

Опубликование в 1915 году «Дневника» А. Н. Вульфа, в котором Пушкин представлен провинциальным Дон-Жуаном, произвело «ошеломляющее впечатление»¹⁴). Некоторые исследователи оскорбились за Пушкина и ополчились против Вульфа (М. А.

¹³) В тяжелый момент душевной борьбы Турвель перечитывает роман Ричардсона, ища поддержки у любимой героини. Егерь Вальмона, приставленный им следить за Турвель, доносит ему в письме, что она сняла с полки томик «Клариссы» и унесла в свои покои. См. Шодерло де Лакло. Опасные связи. «Наука», М—Л, 1965, стр. 202. Перевод с французского Н. Я. Рыковой. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.

¹⁴) В В. Вересаев. В двух планах Статьи о Пушкине. «Недра», М, 1929, стр. 81. В дальнейшем цитируется это издание.

Цявловский, П. Е. Щеголев)¹⁵⁾, другие, придав слишком большую важность записям Вульфа, выдвинули целые концепции о моральном облике Пушкина: «Интересна и ошеломляюще-неожиданна роль Пушкина в любовных представлениях Вульфа, — писал В. Вересаев. Характер этой роли странным образом совершенно не обращает на себя внимание исследователей»¹⁶⁾.

Была возможность просто не замечать «вульфовского эпизода» пушкинской биографии, но такой подход вряд ли можно было считать научным. Естественно, что многие исследователи попытались этот эпизод объяснить. Было высказано предположение о затаенной недоброжелательности Вульфа¹⁷⁾, о своего рода «плодыгрызании» ему со стороны Пушкина, который «все время говорит с ним его языком, в его стиле, поощряет и благословляет на поступки, к которым Вульфа тянет и самого»¹⁸⁾, и даже о возможности клеветы со стороны Вульфа. За исключением мысли о клевете (Вульф вел дневник для себя и совершенно искренне) во всех этих предположениях есть рациональное зерно.

Ко всему этому можно попробовать добавить еще одно объяснение, связанное с попыткой проникновения в психологию творчества Пушкина в момент обращения его к прозе. Выдвигаемое предположение отнюдь не претендует на безусловность, оно — одно из возможных. Входящий в него элемент биографической «реконструиции» делает его в достаточной степени гипотетичным.

«Дневник» Вульфа, письма и воспоминания обитательниц Тригорского, наконец, письма самого Пушкина ко всему кругу лиц, связанных с семьей Осиповых-Вульф, раскрывают атмосфе-

¹⁵⁾ «Вульф оказался недостойным того счастья, какое ему выпало на долю — называться приятелем великого поэта», — писал М. А. Цявловский («Голос минувшего», 1916, № 2, стр. 285).

«Вульф в жизни остался достойным гнева и жалости эмпириком любви, а Пушкин, для которого любовь была гармонией, изведаль высший восторг небесной любви», Н. Е. Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина, Петроград, 1917, 2-ое издание, стр. 49.

¹⁶⁾ В. В. Вересаев. В двух планах, стр. 83. В пылу борьбы против придничества и ложной канонизации образа Пушкина, Вересаев придал излишнюю значимость записям Вульфа, не замечая шутиwego оттенка многих из них.

¹⁷⁾ Вересаев объясняет «затаенную вражду» Вульфа к Пушкину сложными отношениями в Тригорском. См. В. Вересаев. В двух планах, стр. 93. В «Дневнике» Вульфа читаем: «Я видел Пушкина, который хочет ехать с матерью в Малинники, что мне весьма неприятно, ибо от этого пострадает доброе имя и «Сестры и матери». Дневник А. Н. Вульфа 1828—1831 г. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Выпуск XXI—XXII, Петроград, 1915, стр. 9. В дальнейшем цитируется это издание. «Что делаете вы с вашим кузеном? напишите мне об этом, только вполне открыто. Отшлите его поскорее в его университет», — писал Пушкин А. П. Керн 14/VIII 1825 г. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. «Наука», т. 10, 1965, стр. 786. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи: римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

¹⁸⁾ В. Вересаев. В двух планах, стр. 85.

ру «игры», царящую в Тригорском. (а позднее в Малининках, тверском поместье Вульфов) и Пушкина, как одного из ее вдохновителей. Живость Пушкина, его обаяние, искусство беседы и перепитски, «пир молодых затей» его музы озаряли особым светом мир Тригорского¹⁹).

Атмосфера дружбы и влюбленности способствовала общей увлеченности перепиской. Письма пишут все: Прасковья Александровна Осипова, ее старшая дочь Анна Николаевна, ее племянницы Анна Петровна Керн и Анна Ивановна Вульф (Нетти), ее сын Алексей Николаевич, ее падчерица Александра Ивановна (Сашенька), брат поэта Лев Сергеевич и, наконец, сам поэт²⁰. И даже маленькая Евпраксия (Зизи) мечтает о переписке: «Евпраксия уморительно смешна, я предлагаю ей завести с тобой философическую переписку,— пишет Пушкин брату 20.XI.1824 г. Она все завидует сестре, что та пишет и получает письма» (X, 110).

Все эти письма, написанные чаще всего по-французски и иногда с недюжинным мастерством, могли бы составить своеобразный эпистолярный роман. Известно, что частное письмо в ту эпоху (особенно любовное и дружеское) являлось, в сущности, своего рода литературным жанром²¹.

Особый интерес, безусловно, представляют письма Пушкина, его голос в этом «полифоничном» романе. Пушкин в своих письмах с легкостью меняет стиль, оттенки тона и интонацию в зависимости от адресата²². Подчеркнутый почтительный тон в письмах к Прасковье Александровне сменяется дружески-наставительным брату Льву, насмешливо-небрежным — к Анне Николаевне и влюбленно-страстным — к Анне Петровне Керн. Шуточное «обманное» письмо, лукавая приписка к чужому посланию, коллективное письмо или торжественное коллективное сжигание «опасного» послания,— вся эта «игра» в «царстве переписки» — его стихия. Он может написать в присутствии одной поклонницы несколько страстных, иногда одинаковых, писем другим «Я была бы довольна вашим письмом, если бы не помнила, что вы писали

19. «Когда же он решился быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, острою и увлекательностью его речи», — писала А. П. Керн. А. П. Керн. Воспоминания. „Academia“, Л., 1929, стр. 253. В дальнейшем цитируется это издание.

20. К сожалению, многие письма Пушкина П. Л. Осиповой, А. Н. Вульф, А. И. Вульф утрачены.

21. См.: Н. Л. Степанов. Дружеское письмо начала XIX века. В кн.: Русская проза. „Academia“, Л., 1926, стр. 71—101.

22. На эту черту пушкинских писем обратил внимание уже В. В. Сиповский: «...образ поэта меняется в зависимости от того, к кому он пишет, меняется до неузнаваемости, до слияния с чужим образом: с литератором он только литератор, с политиком он — политик, с сплетником — сплетник, с гулякой — только гуляка и ничего более». В. В. Сиповский. А. С. Пушкин по его письмам. В сб. Памяти Л. Н. Майкова, СПб, 1902, стр. 458.

такие же, и даже еще более нежные, в моем присутствии Аннете Керн, а также Нетте»²³, — напишет ему Анна Николаевна из Малинников 20/IV 1826 г.

Было бы любопытно проанализировать переписку этого круга, как необычный эпистолярный роман, но материал слишком обширен для рамок этой статьи. Ограничимся одним эпизодом — встречей и перепиской Пушкина с Анной Петровной Керн. Переписка началась еще до встречи в Тригорском, с шуток, свидетельствовавших о далеко не романтическом представлении Пушкина об очаровательной племяннице П. А. Осиповой²⁴. Поэтому можно понять тех, кто усмотрел налет игры в поведении Пушкина, выказавшего при первой встрече с А. П. Керн в Тригорском крайнюю робость и застенчивость («...робость видна была в его движениях», — вспоминала А. П. Керн²⁵).

Шесть писем Пушкина, написанные к А. П. Керн в порыве искреннего и страстного увлечения, удивительным образом сочетают в себе непосредственное чувство и «игру», живой голос сердца и «романические» красоты стиля. Не случайно поэтому многие исследователи (П. И. Новицкий, А. Ахматова, П. К. Губер) усмотрели в них черты «галантности», «тактики» любовной науки²⁶.

О том, как Пушкин «строит» свою переписку с А. П. Керн, лучше всего говорит следующий красноречивый эпизод. 14/VIII 1825 г. Пушкин отправил в Ригу на имя А. П. Керн два письма, одно для нее а другое, якобы для П. А. Осиповой, но фактически также предназначенное ей. Пушкин знал, что ее тетушки уже в Риге нет, и рассчитывал, что Анна Петровна его распечатает. При этом он лукаво предупреждал: «Не распечатывайте прилагаемого письма. Это нехорошо. Ваша тетушка рассердится» (X, 789). Это «обманное» письмо было полно шуточных обвинений Анны Петровны в кокетстве: «Что же до ее кокетства, то вы совершенно правы, оно опособно привести в отчаяние». (X, 790). Встревожившись, что письмо и вправду может попасть в руки Прасковьи Александровны, он взывает: «Ради бога, не отсылай-

²³ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шестнадцати томах. АН СССР, т. 13, 1937, стр. 554.

²⁴ См.: Письмо А. Г. Родзянко и А. П. Керн Пушкину от 10/V 1825 г., там же, стр. 170, а также письмо Пушкина А. Г. Родзянко от 8/XII 1824 (X, 129) и стихотворение Пушкина, обращенное к А. Г. Родзянко, «Ты обещал о романтизме...».

²⁵ А. П. Керн. Воспоминания, стр. 252.

²⁶ См.: П. И. Новицкий. Бытовой и литературный портреты А. П. Керн. В кн.: А. П. Керн. Воспоминания, стр. XI; Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине, стр. 167; П. К. Губер. «Дон-Жуанский список Пушкина», стр. 172. Б. Л. Модзалевский в книге «Анна Петровна Керн» приводит противоположную оценку писем Пушкина к А. П. Керн исследователями, увидевшими в них только восторженный и искренний порыв. Б. Л. Модзалевский. Анна Петровна Керн. Издание М. и С. Сабашниковых, Л., 1924, стр. 129.

те г-же Осиповой того письма, которое вы нашли в вашем пакете. Разве вы не видите, что оно было написано только для вашего собственного назидания?» (X, 792). А успокоившись, Пушкин с удовлетворением отмечает, как славно «построен» этот необычный эпистолярный роман: «Но полюбуйте, как с божьей помощью все перемешалось: г-жа Осипова распечатывает письмо к вам, вы распечатываете письмо к ней, я распечатываю письмо Нетти, — и все мы находим в них нечто для себя назидательное — поистине это восхитительно!» (X, 790).

«Игра» не только в письмах, но и в том, как вручил Пушкин Анне Петровне свое знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье»²⁷⁾, и в том остроумном и необычном способе объяснения в любви, к которому он прибегает несколько позднее.

Речь идет о сделанных Пушкиным пометках и подчеркиваниях в тексте романа Ю. Крюднер «Валери». Подчеркнутые фразы и пометы составляют в совокупности нечто вроде своеобразного «любовного письма»²⁸⁾.

Известно, что встреча с Анной Петровной Керн вызвала в душе Пушкина высокий подъем, порыв творческого вдохновения, какое-то «оздоровление» души. Налет легкой «игры» в отноше-

²⁷⁾ «Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилью выпросила я их опять». А. П. Керн. Воспоминания, стр. 256.

²⁸⁾ Valérie ou Lettres de Gustave de Linar à Ernest de G*** par la baronne Julie Krudener. 3-me édition, à Paris, 1804.

Это издание с пометами и подчеркиваниями хранится в пушкинской библиотеке. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием тома и страницы.

Б. Л. Модзалевский не считал пометы пушкинскими. См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. Пушкин и его современники, вып. IX—X, 1910, стр. 263.

Другого мнения придерживался М. А. Цявловский, который считал, что пометы сделаны Пушкиным для А. П. Керн: «Октябрь 1(?) — 10(?) 1825. Чтение книги (J. Krudener) Valérie. Париж, 1804. Подчеркивания, отчеркивания и словесные пометы на полях. (Это сделано для А. П. Керн)». М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. АН СССР. М, 1951, стр. 641.

Такого же мнения придерживался и Б. В. Томашевский, который, проанализировав пометы как своеобразное лирическое письмо, адресованное скорее всего А. П. Керн, сделал в 1957 г. в Пушкинском доме сообщение на эту тему. См.: Пушкин. Исследования и материалы. III. АН СССР, М—Л, 1960, стр. 505.

Сходство почерка сделанных карандашом французских помет на полях романа «Валери» с другими карандашными французскими пометами, оставленными Пушкиным на книгах приблизительно в это же время и безусловно ему принадлежащими (например, с автографом Пушкина в книге стихов А. Шенье) свидетельствует, по всей видимости, в пользу предположения М. А. Цявловского и Б. В. Томашевского.

Пушкин дал высокую оценку роману Ю. Крюднер «Валери», в примечаниях к «Евгению Онегину» он назвал его «преlestным» (V, 194). Имя героя романа Густава де Линара упомянуто среди дорогих Татьяне литературных образов. Автором настоящей статьи подготовлена публикация «Пометы Пушкина в романе Ю. Крюднер «Валери».

ниях с ней не менял сути дела. Весь эпизод мог бы составить важную главу в романе о быте Михайловского и Тригорского, о нравах эпохи. В нем можно обнаружить ту связь литературы и быта, которая важна и для понимания поведения людей этого времени, и для анализа некоторых разновидностей эпистолярного жанра, в частности, любовного письма эпохи.

Атмосфера игры еще больше характерна для жизни в Малинниках, где по приглашению П. А. Осиповой Пушкин провел октябрь и ноябрь 1828 г. Здесь царит обстановка веселья и игры, кипят юные страсти и юные страдания. К женской молодежи Тригорского присоединились еще кузины Александры Вульф: Лиза Полторацкая и Катенька Вельяшева, ее подруга Машенька Борисова²⁹). Приезд Пушкина — «великое событие»³⁰, его приняли очень тепло, о чем он шутливо сообщал Вульф: «Меня приняли с достою почтением и благосклонностью» (X, 252). Пушкин ухаживает попеременно за всеми барышнями, разбрызгивает заядлого Дон-Жуана, заслуживает прозвища «вампир» и «Мефистофель» и пишет не без удовольствия в письме Дельвигу: «Здесь очень много хорошеньких девчонок (...) я с ними вожусь платонически, и от того толстею и поправляюсь в моем здорovie» (X, 255)³¹).

²⁹) Мария Васильевна Борисова, дочь старичьего помещика, сирота, прототип Маши Мироновой. «Пушкин, бывший здесь осенью, очень ввел ее в славу». А. Вульф. Дневник, стр. 46

³⁰) «Все съезжались, чтобы увидеть его, побыть с ним, рассмотреть его как необыкновенного человека». С. А. Фессалоницкий Из рассказов о Пушкине его современников. Воспоминания А. Н. Панафиной «В наши дни», 1936, № 2, стр. 92.

³¹) Пушкинские строки стихов и писем, посвященные тригорско-малинниковскому окружению, проникнуты, как правило, шутливой интонацией: «Netty здесь... Вот уже третий день, как я в нее влюблен» (X, 262), — писал Пушкин А. Н. Вульф.

К Netty

«За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве,
И R и O позабываю
Для N и W»

(111, 100)

К Анне Н. Вульф

«Увы! напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь.
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.»

(11, 320)

К Катеньке Вельяшевой

«Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.»

(111, 107)

К Зизи

«Вот, Зина, вам совет играйте

И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.»

(11, 324)

К Сашеньке Осиповой

«Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь.»

(11, 336)

К Алексею Вульф

«В Троегорском до ночи,
И в Михайловском до света,
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.»

(11, 188)

Атмосфера, царящая в Малинниках, отлично передана в «Дневнике» А. Н. Вульфа: «В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин. С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня — Фаустом. Но Гретхен (Катенька Вельяшева), несмотря на советы Мефистофеля, ни на волокитство Фауста, осталась холодной, все старания были напрасны»³²).

Только зная характер и особенности взаимоотношений в Тригорском и Малинниках, можно понять смысл шуточного письма, отправленного Пушкиным А. Н. Вульфу 27/X 1828 г. из Малинников.

Переписка Пушкина давно уже рассматривается исследователями не только как факт биографии, но и как факт творчества: Пушкин в какой-то мере «создавал» свою переписку³³). «Пушкин работал над своими письмами, как над художественным продуктом. Он, несомненно, видел в них своеобразное литературное задание»³⁴), — писал Г. О. Винокур.

Послание А. Н. Вульфу еще в большей степени, чем другие пушкинские письма, имело явное «литературное задание», было написано не для «двух глаз», предполагало некоторую аудиторию (во всяком случае аудиторию Малинников). Даже по форме оно было припиской Пушкина к письму Анны Николаевны Вульф брату³⁵). Его можно рассматривать как кусочек пушкинской прозы, своеобразную стилизованную шутку-миниатюру.

В письме Пушкина нашли отражение не только бытовые подробности приезда Пушкина в Малинники (восторженная встреча, расспросы барышень о Вульфе, восхищение Пушкина Машенькой Борисовой), но и отличное знание Пушкиным «Опасных связей», стилизация письма под роман Шюдерло де Лакло.

Переключка с «Опасными связями» слышится уже в обраще-

«...а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш etc живет управитель Прасковьи Александровны...» (X, 438), — с шутивным сожалением сообщал Пушкин жене через несколько лет.

³²) А. Н. Вульф. Дневник, стр. 52.

³³) О письмах Пушкина см.: Г. А. Гуковский. Письма Пушкина. «Правда», 1937, 7 января; Д. П. Якубович. Дневник Пушкина. В кн.: Пушкин. 1834 год. Издательство Пушкинского общества, Л., 1934; В. В. Сиповский. А. С. Пушкин по его письмам. В сб. Памяти Л. Н. Майкова, СПб, 1902, стр. 455—468; Б. В. Казанский. Письма Пушкина! «Литературный критик», 1937, № 2, стр. 100—101; Е. А. Маймин. Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики. В кн. Пушкинский сборник, Псков, 1962, стр. 77—87.

³⁴) Г. О. Винокур. Пушкин-прозаик. В кн.: Г. О. Винокур. Культура языка. Издательство «Работник просвещения», М., 1925, стр. 293.

³⁵) «Вечером принесли мне письма от Матери и Сестры, а в последнем милую приписку от Пушкина, которая начинается желанием здоровья Тверского Ловласа С.-Петербургскому Вальмону (курсив Вульфа — Л. В.) — Верно он был в весьма хорошем расположении духа и, любезничая с тамошними красавицами, чтобы пошутить над ними, писал ко мне...» А. Н. Вульф. Дневник, стр. 23.

нии «Тверской Ловлас С.-Петербургскому Вальмону здравья и успехов желает». С шутливой лестью Пушкин величает живущего в столице Вульфа Вальмоном, а себя — скромно Ловеласом. Выразительное сопоставление этих двух имен как нельзя лучше передавало интонацию иронического восхищения провинциального Дон-Жуана перед столичным соблазнителем.

В романе Шодерло де Лакло сопоставление имен Вальмона и Ловеласа — существенный характерологический прием. Герой Лакло почитает себя соблазнителем «рангом выше», «цель» Ловеласа кажется ему примитивной, «способы» — грубыми: «Прибегать после более чем двух месяцев забот и трудов к способам, мне совершенно чуждым! Рабски влечется по чужим (Ловеласа — Л. В.) следам и восторжествовать бесславно! Нет» (стр. 210)³⁶.

Не только сопоставление имен Вальмона и Ловеласа, но и весь характер письма, его стиль, шутивно-эротическая направленность, имитация откровенного разговора двух Дон-Жуанов, — все это напоминало «Опасные связи». Сам характер обращения (ср. виконт де Вальмон — маркизе де Мертей³⁷), оппозиция провинциальный — столичный (соблазнитель) близки манере Лакло³⁸.

Семнадцать строк письма наполнены до краев литературной игрой. За шутивно-официальным оборотом («Честь имею доложить...») следует парадокс в вальмоновском духе о привлекательности безнравственности: «Утверждают, что вы гораздо хуже меня (в моральном отношении), а потому не смею надеяться на успехи, равные вашим». Затем звучит шутивная интонация скрытого предательства, прикрываемого уверениями в собственном «чистосердечии»³⁹. «Требуемые от меня пояснения

³⁶. Действительно, Ловелас соблазнитель «иногo ранга». Хотя он и объявляет, что ценит лишь «трудные» победы и ставит над Клариссой «эксперимент», он, по существу, довольно простодушен, любит ее одну и собирается в конце концов на ней жениться. См. Достопамятная жизнь девицы Клариссы Горлов, истинная повесть. Английское творение г. Рихардсона. Во граде святого Петра, 1791, т. I, стр. 248.

³⁷) В «Памеле» Ричардсона и в «Новой Элоизе» Руссо характер обращения иной. Например, в «Новой Элоизе»: «К Юлии», «От Юлии».

³⁸. В письме к Мертей, пародируя благочестивый стиль, в котором он вынужден упражняться, чтобы попасть в тон к набожной г-же де Турвель, Вальмон использует противопоставление «столичный — деревенский»: «Сдается мне, что как миссионер любви, вы обратили больше людей, чем я. Мне известны ваше рвение, ваше пламенное усердие, и если бы бог любви судил нас по делам нашим, вы стали бы когда-нибудь святой покровительницей какого-нибудь большого города; в то время как друг ваш сделался самое большое — деревенским проповедником (курсив мой — Л. В.) (стр. 18).

³⁹. В переписке Вальмона и Мертей подспудно звучит угроза разоблачения и предательства, прикрываемая уверениями в чистосердечной дружбе. Нанесшая маркизе коварнейший удар, Вальмон пишет: «Однако взаимная наша дружба, столь чистосердечная (курсив мой — Л. В.) с моей стороны, сколь и признанная с вашей, заставила меня пожелать, чтобы вы подверглись испытанию минувшей ночью» (стр. 292).

на счет вашего П. [етер] Бургского поведения дал я с откровенностью и простодушием — от чего и потекли некоторые слезы и вырвались некоторые недоброжелательные восклицания, как напр.: «какой мерзавец! какая скверная душа!» (курсив Пушкина — Л. В.), но я притворился, что их не слышу»⁴⁰.

Конец письма, верный духу «игры», пародирует литературные штампы, чем охотно занимаются в своих письмах и герои Лакло: «При сей верной оказии доношу вам, что Мария Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей — в дичи лесной, перла — в море и что я намерен на-днях в нее влюбиться» (X, 253),

В стиле литературной шутки пишет Пушкин дружеское письмо Вульф и через год, по дороге из Арзерума в Петербург из тех же Малинников с «отчетом» о «состоянии дел» в Тверской губернии. Величая Вульфа «Ловласом Николаевичем», а его «пассию» «Клариссой», Пушкин в озорной манере сообщает о всех знакомых барышнях: «Гретхен хорошеет и час от часу делается невиннее (курсив Пушкина — Л. В.)... «Ал.[ександра] Ив., [ановна] заняла свое воображение отчасти талией и задней частью Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавым выговором Юргенева» (X, 261).

Письма Вульф, столь близкие по духу роману Лакло, наводят на мысль, что Пушкин разыгрывает не просто Дон-Жуана, а временами строит игру по «Опасным связям», как бы примеряет к себе роль Вальмона. Ассоциация с «Опасными связями» была в сознании Пушкина уже при создании образа Онегина, как знатка «науки страсти нежной», которой «нас» учит не природа, а эротический роман: «Возможно, что она иногда возникала и тогда, когда Пушкин «строил» любовную переписку: тон некоторых писем, «игра» стилями, «обманные» письма — все это невольно наводит на мысль об «Опасных связях». Литературная маска проглядывает минутами и в поведении Пушкина в эти годы: заглянь в альбом светской барышни «Дон-Жуанского списка», большое число увлечений особенно в 1828 г., по выражению А. Ахматовой, в «самый разгульный пушкинский год», «когда исследователю грозит опасность заблудиться в прелестном цветнике избранниц»⁴¹.

Не удивительно, что первая встреча Пушкина в Тригорском с А. П. Керн могла вызвать непосредственную ассоциацию с ро-

⁴⁰ Пушкин и на самом деле рассказал кое-что в Малинниках о «любовных проказах» приятеля: «От Сестры же я узнал, что здесь делали мои красавицы и Пушкин, клеветавший на меня, пока он тут был». А. Н. Вульф. Дневник, стр. 46.

Мертей нередко награждает в письмах Вальмона фамильярно-уничижительными словечками («чудовище», «шалопай», ср. с пушкинскими «мерзавец», «скверная душа»).

⁴¹ Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине, стр. 200.

маном Лакло: «Вальмон из «Опасных связей», начиная свою кампанию против г-жи Турвель, тоже прикидывался застенчивым и боязливым»⁴².

Конечно, живой, темпераментный, отзывчивый на все доброе и прекрасное, Пушкин, по существу, весьма далек от сухого бездушного героя Лакло⁴³. Вальмон — одна из минутных и шуточных «масок» Пушкина⁴⁴, он одевает эту маску не часто и перед немногими (иногда перед братом Львом Сергеевичем, П. А. Вяземским, С. А. Соболевским, которые как персонажи «вне круга» время от времени получают информацию о ходе дел⁴⁵, минутами перед Анной Николаевной Вульф⁴⁶).

Но охотнее всего Пушкин одевает эту маску перед А. Н. Вульф-фом. Алексей Вульф, «зеленый» юнец на 6 лет моложе его, влюбленный поочередно во всех своих кузин, партнер и соперник Пушкина (часто более удачливый) составляет благодарную аудиторию в этом спектакле. Вульфу чрезвычайно интересуют «тайны любви», Пушкин разыгрывает перед ним «знатока» и «покорителя» женских сердец». «...женщин же он знает как никто. От того, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имеющими большое влияние на прекрасный пол, одним блестящим своим умом он приобретает благосклонность оно-го⁴⁷», — с восхищением записывает в дневнике Вульф. Разыгрываемая перед ним Вальмона, Пушкин, по-видимому, даже прибегал иногда к выражениям, употребляемым героем Лакло. Во всяком случае, когда Вульф, со слов поэта, упоминает в «Дневнике» о его «методе» обольщения, то они прямо перекидываются со словами Вальмона об «уроках», которые он дает Сесиль⁴⁸.

42. Н. К. Губер. Дон-Жуанский список Пушкина, стр. 162.

43. По-существу, даже в «игре» он совсем не похож на Вальмона. Он с удовольствием сообщает Дельвигу, что «возится» с тверскими барышнями «платонически», подчеркивает для А. П. Керн в романе «Валери» весьма возвышенные строки, обращается к Катеньке Вельяшевой с шутивными стихами, проникнутыми нравственным чувством:

Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красотой,
Хоть Вампиром именован

Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.

Я в губернии Тверской,

(II, 107)

44. О другой светской ипостаси Пушкина в эти (т. 1, 107) годы — Адольфе А. Ахматова. См.: А. Ахматова. «Адольф» Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина. Пушкинский Временник. I. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 106. В дальнейшем цитируется это издание.

45. См.: письмо Пушкина С. А. Соболевскому от февраля 1828 г. (X, 242).

46. «...о, этот человек превосходит даже вас, чему я никогда не могла бы поверить. Он идет к цели гигантскими шагами, представьте себе, я считаю, что он даже превосходит вас предприимчивостью», — пишет А. Н. Вульф Пушкину об одном своем поклоннике. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шестнадцати томах, т. 13, стр. 555.

47. А. Н. Вульф. Дневник, стр. 52.

48. Ср. А. Н. Вульф. Дневник, стр. 141 и Шодерло де Лакло «Опасные связи», стр. 211.

Можно высказать предположение, что Пушкин разыгрывает перед Вульфом роль, несколько напоминающую героя Лакло, не только потому, что его эта роль забавляет, а Вульф у нее интересна.

С середины 1820-х гг. Пушкина начинает манить «суровая проза». Он по-своему переживает итоги литературного XVIII в., ищет жанры, темы, героев. Один из первых соблазнов — эпистолярный роман. Пушкину ясно одно: будет ли это исторический роман, светская повесть или роман в письмах, любовная тема прозвучит непременно: «Я вспомню речи неги страстной, Слова тоскующей любви», «Несчастной ревности мученья, Разлуку, слезы примиренья». Пушкин готовит себя к этой теме и, как всегда у него, он должен все «пережить» сам. Обстановка всеобщей влюбленности, увлеченности перепиской в Тригорском-Малинниках — отличная атмосфера для «вживания» в ситуацию страсти. Пушкин и включен в живой хоровод Тригорского и постоянно смотрит на него со стороны. «У меня с Тригорским завязалось дело презабавное, — некогда тебе рассказывать, а умерительно смешно» (X, 110), — пишет он брату П. В. Анненкову, отмечая эту особенность позиции Пушкина в Михайловском, когда поэт одновременно и участник и зритель событий, писал: «Он был светилом, вокруг которого вращалась вся эта жизнь и потешался ею, даже и тогда, когда все думали, что он плывет без оглядки вместе с нею»⁴⁹.

«Опасные связи» — одно из тех произведений, по которому можно было бы изучать и «игру», и психологизм, и поэтику эпистолярного романа. Для Пушкина перенесение романа в жизнь — литературное упражнение, собственные письма — заточки к прозе⁵⁰.

Как и Стендаль в эти годы, готовясь к психологической теме, изучает страсть на материале литературы, окружающей жизни и собственного опыта, так и Пушкин «по-своему» стремится изучить психологию любви. Стендаль, собирая материал для трактата «О любви», неоднократно обращается к «Опасным связям». «Я считал себя одновременно Сен-Пре и Вальмоном»⁵¹, — скажет Стендаль позднее об этой эпохе, и лучше он не мог бы передать свое стремление к самонаблюдению, понимание двойственности собственной натуры, столкновение в душе непосредственного чувства и холодного самоконтроля, сердечного влечения и циничного расчета.

Пушкину также близка эта позиция и ощущение связи литературы с собственным бытовым поведением. «Герои чужеземные

⁴⁹ П. В. Анненков. Пушкин в александровскую эпоху. СПб, 1874, стр. 282.

⁵⁰ Об этом см. Е. А. Маймин. Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики. Пушкинский сборник, Псков, 1962.

⁵¹ Стендаль. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Изд. «Правда», М., 1959, т. 15, стр. 265. В дальнейшем цитируется это издание.

влияти не на изображение лиц в поэмах Пушкина, не на литературу, а на жизнь, прежде всего они были образцами для жизни»,⁵² — очень верно скажет П. Е. Щеголев.

С той же легкостью, с которой он некогда менял маску унылого элегика на байроновский «гарольдов плащ», Протей-Пушкин облекается теперь в наряд Вальмона. И особенно охотно он играет эту роль перед Вульфом. Не удивительно, что А. Н. Вульф, человек довольно ограниченный, притом поставленный в позицию наблюдателя, видящего лишь один ракурс, принял условно-литературную маску за чистую монету и представил Пушкина на страницах своего «Дневника» таким провинциальным Мефистофелем, «отчаянным волокитой», занятым преимущественно совращением прекрасного пола.

Всеобщая увлеченность перепиской, мастерство, с которым писались письма, «игра» страстей, «точек зрения», «жизненных позиций», отличное знание беллетристики и, особенно, эпистолярного романа, весь этот быт, окрашенный литературой, стал той питательной средой, той творческой атмосферой, в которой зародился замысел «Романа в письмах».

Поэтому не случайно, что Пушкин начинает писать роман в селе Павловском, именно Вульфов по соседству с Малияниками, что имена героинь романа Лизы и Сашы — это имена тверских барышень, кузин А. Н. Вульфа⁵³, уклад жизни — знакомый быт псковско-тверских поместий, мир героев — мир самого Пушкина⁵⁴. Против всех правил жанра, предписывающих автору оставаться в тени, Пушкин насыщает письма героев своими мыслями и заботами⁵⁵. Эпистолярный роман пронизан светом его личности, даже собственное его имя звучит в переписке героев⁵⁶.

Однако, хотя пушкинский роман и глубоко «русское» произведение, он многими нитями связан с традицией европейского эпистолярного романа⁵⁷. Любовная интрига, переписка главных героев с наперсниками, борьба героини с «соблазнителем», ее «побег», преследование ее героем — классическая схема чувствительного эпистолярного романа.

52. П. Е. Щеголев. Из изысканий в области биографии и текста Пушкина. Пушкин и его современники, вып. IV, стр. 112.

53. О Лизе Полторацкой и Саше Осиповой. А. Н. Вульф писал «Дружба этих двух девушек единственная в своем роде: Лиза, приехав в Тверь, чрезвычайно полюбила Сашу, они сделались неразлучными...» А. Н. Вульф. Дневник, стр. 44.

54. В письмах героев много автореминисценций из писем Пушкина.

55. Проблемы «нового» и «старого» дворянства, исторической памяти народа, литературная борьба, понятие «неблагопристойности» в литературе.

56. «Теперь я понимаю, за что Пушкин и Вяземский так любят уездных барышень. Они — их истинная публика» (VII, 18), — пишет Лиза Саше.

57. Я не упоминаю о русском эпистолярном романе (Эмин, Левшин, Львов) в связи с его откровенно подражательным характером. См.: В. В. Сиповский.

Так же, как европейский эпистолярный роман («Юлия или новая Элоиза», «Опасные связи», «Валери», «Дельфина»), пушкинский «Роман в письмах» генетически восходит к «Клариссе» Ричардсона⁵⁸. Руссо, Шодерло де Лакло, Крюднер, Сталь одновременно и усваивают многое из достижений Ричардсона и отталкиваются от него, каждый из этих авторов «по-своему» воспринял ричардсоновскую традицию, «на свой манер» обогатил поэтику эпистолярного романа. Для всех них общим стало стремление к большей естественности, правдоподобию страстей, к созданию менее схематичных персонажей. В предисловии к «Дельфине» Жермена Сталь критикует героев традиционного эпистолярного романа за «чрезмерную чувствительность, неуместную гордость, напыщенную добродетель»⁵⁹. Она выступает за сохранение в романе «...той совершенной натуральности, без которой нет ничего великого»⁶⁰.

Однако осуждение в теории еще не означает способности осуществить на практике новые принципы. Все эти романы (в том числе и «Дельфина») в большей или меньшей степени страдают излишней чувствительностью, назидательностью и растянутостью.

Позиция Пушкина по отношению к Ричардсону весьма противоречива: он неоднократно подчеркивает его значение в истории развития европейского романа, и вместе с тем критикует его за дидактичность, многословие и скуку: «Многие читатели согласятся со мной, что «Кларисса» очень утомительна и скучна,

Очерк из истории русского романа. т. 1, вып. 2, СПб, 1910, стр. 374. Пушкин обычно отзываясь о нем с легкой иронией:

«В ней вкус был образованный. Она
Читала сочиненья Эмина».

(IV, 327)

Пред ней открыт четвертый том
Сентиментального романа,
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двух семей.
Роман классический, старинный
Отменно длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей.

(IV, 238)

⁵⁸ Хотя Руссо, создавая качественно иной тип отношений между героями, сознательно отталкивается от Ричардсона, между «Новой Элоизой» и «Клариссой» много общего и, прежде всего, чисто сюжетное сходство (социальные перегородки и семейный деспотизм, как причина несчастья героини, злые отцы, добрые матери, верные подружки-наперсницы и т. д.).

⁵⁹ Дельфина. Сочинение госпожи Сталь-Гольштейн, Москва, 1803, стр. 6.

⁶⁰ Там же, стр. 5. Любопытно отметить, что те из французских помет Пушкина на полях романа Крюднер «Валери», которые отражают его отношение к поэтике произведения, касаются именно «естественности» или «чувствительности» романа. Например: «как это естественно» (т. I, р. 37), «естественно» (т. I, р. 110), «слишком чувствительно» (т. I, р. 90).

но со всем тем роман Ричардсонов имеет необыкновенное достоинство» (VII, 270); «...Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа» (VII, 314). В своем «Романе в письмах» Пушкин намеренно подчеркивает свою связь с Ричардсоном («Кларисса» неоднократно упомянута в переписке героев⁶¹) и отталкивание от поэтики родоначальника эпистолярного романа⁶². Он значительно расширяет и осуществляет практически программу, предложенную Жерменой Сталь: никаких трогательных излияний, риторики, пафоса; чувствительность, многословность, дидактизм решительно изгнаны из романа, не персонажи-схемы, а живые люди — его герои⁶³.

Пушкин создает любовный роман почти без слов о любви, а там, где они есть, они звучат предельно сдержанно. Друг другу любовники вообще не пишут. Вместо возвышенных, многословных, дидактичных героинь — персонажи из плоти и крови, живые, ироничные и остроумные. Ставя традиционный литературный образ «в ситуацию, исполненную жизненной и психологической правды»⁶⁴, Пушкин как бы сам следует совету героини «Романа в письмах»: «Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает» (VI, 67).

Позиция Пушкина по отношению к Ричардсону напоминает во многом позицию Шодерло де Лакло. Автор «Опасных связей» значительно ближе к английскому прозаику, чем другие последователи Ричардсона (Руссо, Крюднер, Сталь): он не только высоко оценивает творчество Ричардсона⁶⁵, но и строит роман на прямой сюжетной параллели с «Клариссой», ставит однотипных с ричардсоновскими героев в схожую ситуацию⁶⁶). Но в то же

61. «Надобно жить в деревне, чтобы иметь возможность прочитать хваленую Клариссу... Читаю том, другой, третий, — скучно, мочи нет» (VI, 63). Эти слова Лизы — автореминисценция из письма Пушкина брату от 20/XI 1824.: «читаю Клариссу, мочи нет какая скучная дура!» (X, 110).

62. «В этом романе Пушкин хотел, очевидно, обновить сюжеты старого сентиментального романа. Мы имеем прямые указания на Ричардсона». В. Шкловский. Заметки о прозе Пушкина. М., 1937, стр. 53. «К 1829 г. относится и начало «Романа в письмах», являющегося попыткой воскрешения жанра эпистолярного романа XVIII века». Н. Л. Степанов. Проза Пушкина, стр. 57.

63. «Признавая достоинство английского просветительского романа XVIII века, (...), Пушкин в то же время далек от его громоздкой словоохотливости, наивного эмпиризма, и поучительной сентиментальности». Н. Л. Степанов. Проза Пушкина, стр. 36.

64. Ю. М. Лотман. К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин». Пушкин. Исследования и материалы. III, АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 164.

65. В единственной известной нам критической статье Макло (рецензия на перевод романа miss Berney «Цецилия») среди предшествующих прозаиков он выделяет Ричардсона, Фильдинга, Руссо, а среди творений Ричардсона первое место отдает «Клариссе», в которой «особенно сильно сказался талант автора». Remi de Gourmont. La littérature anglaise en France. Promenades littéraires. Mercure de France, Paris.

время Лакло и отталкивается от традиции Ричардсона сильнее других, он значительно обогащает поэтику жанра, усложняет композицию, углубляет психологизм, вводит «игру», ироническое, скептическое начало.

В «Опасных связях» оценка героями персонажей другого эпистолярного романа (и в частности, «Клариссы») приобрела важную характерологическую функцию. После Лакло этот прием станет традиционным, особенно по отношению к Клариссе и Ловеласу⁶⁷). Пушкин, как мы знаем, использует этот прием и в переписке, и в «Евгении Онегине», и в «Романе в письмах».

Лиза, хотя и иронизирует над «церемонностью» и «чувствительностью» Клариссы, но в то же время ощущает духовную близость к ричардсоновской героине: «Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внуков! Что есть общего между Ловласом и Адольфом? Между тем роль женщин не изменяется. Кларисса, за исключением церемонных приседаний, все же походит на героиню новейших романов. Потому ли, что способы нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах — они основаны на чувстве и природе, которые вечны» (VI, 63). Ловелас же, по ее мнению (и по мнению Пушкина⁶⁸), безнадежно устарел. Разочарованный меланхолический Адольф, с его рефлектирующим умом, стремлением к самоанализу — вот новый герой романа.

«Опасные связи» представляют собой как бы промежуточное звено между «Клариссой» и «Романом в письмах». Нас интересует лишь одна сторона поэтики обоих произведений, все, что связано с «игрой» (в самом широком понимании этого слова)⁶⁹). С этой точки зрения пушкинский роман — произведение в доста-

⁶⁶) Стендаль, отдавая должное новаторству Лакло, все же назвал «Опасные связи» «подражанием «Клариссе». Стендаль. Собрание сочинений в пятидесяти томах. т. 15, стр. 265.

⁶⁷) Например, Ю. Крюднер прибегает к этому приему для характеристики Валери, главной героини одноименного романа. Валери просит Густава де Линара принести ей «Клариссу» и прочитывает вместе с ним около двадцати страниц (т. 2, р. 7).

⁶⁸) «Ловласов обветшала слава» (V, 78).

⁶⁹). «Роман в письмах» изучен далеко не полно и, преимущественно, в плане содержания. Меньше внимания уделялось художественному своеобразие романа. О «Романе в письмах» см.: В. Брюсов. Мой Пушкин. ГИЗ, М.—Л., 1929; В. Шкловский. Заметки о прозе Пушкина. М., 1937, стр. 53. Е. Гладкова. Прозаические наброски Пушкина из жизни «света». Пушкин. Временник пушкинской комиссии. VI, АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 312; А. Чичерин. Возникновение романа-эпопеи. «Советский писатель», М., 1958; Комментарий Ю. Г. Оксман к собранию сочинений А. С. Пушкина в девяти томах, Academia, т. VII, 1935.

точной степени законченное⁷⁰), игровое начало представлено в нем довольно полно (в «обманных» письмах, в «игре» точек зрения и стилей, в ощущении героями жизни как театра).

Однако и в этом узком плане воздействие «Опасных связей» на Пушкина отнюдь не носило характера обязательности: между обоими произведениями было большое число не поддающихся учету промежуточных звеньев традиции (обширная мемуарная и эпистолярная литература конца XVIII — начала XIX вв.). Но важно учитывать и то обстоятельство, что эпистолярный роман после Шодерло де Лакло («Валери», «Дельфина» и др.) предельно «серьезен», в нем нет и намека на лукавство, иронию, скепсис, и, разумеется, нет и следа «игры».

Своим обаянием «Роман в письмах» во многом обязан той легкой дымке игрового начала, которой он окутан. Без нее пушкинский роман превратился бы в суховатую переписку, насыщенную публицистическими идеями.

Выдвинутая Лизой ложная причина «победа» из Москвы создает в романе «обманный» план, в который увлекается и читатель. Лукавство Саши, тонко поддерживающей предложенный Лизой тон недомолвок и намеков, ее хитроумные попытки вынудить подругу к признанию, притворно-искреннее изумление Лизы, небрежная индифферентность ее тона, скрывающая глубокую заинтересованность узнать, кому ее отъезд в тягость, — все это придает роману живость и остроумную пикантность.

Вынужденное, внезапное «признание» Лизы, определяющее переход от «обманного» плана к «истинному», приводящее к «прозрению» и искусно введенного в заблуждение читателя, — эффектный сюжетный поворот, усиливающий занимательность романа.

Переплетение «обманного» и «подлинного» плана — древнейший литературный прием, с блеском используемый в комедии (от Менандра до Мариво). Эпистолярный роман де Лакло его почти не знал⁷¹). Пушкин, используя драматические потенции жанра, с помощью «разговора писем» конструирует мир, в чем-то похожий на прозрачный мир комедии.

Игровой план романа сочетается с восприятием его героями жизни, как спектакля, а себя, как актеров. Персонажи «Романа в письмах» умеют посмотреть на себя со стороны, заметить

⁷⁰) «Роман в письмах», пожалуй, наиболее завершенное из первоначальных прозаических замыслов Пушкина». Н. Л. Степанов. Проза Пушкина, стр. 58. На наш взгляд, «открытость» конца «Романа в письмах» не противоречит такому утверждению, она могла входить в замысел Пушкина, которому, как известно, глубоко «претил» неизбежный назидательный конец чувствительных романов. («Да нет ли хоть у вас нравоченья?» — IV, 336).

⁷¹) Наметки этого приема заметны уже в «Клариссе» (в сцене побега Клариссы из дома). Однако своего развития этот прием у Ричардсона еще не получил. В «Опасных связях» он лежит в основе композиции романа.

смешную сторону создавшейся сцены. Например, Владимир, удовлетворенный своим удачным исполнением роли «благопристойного» наглеца, пишет другу: «Мужчины отменно недовольны моею *fatuité indolente*, которая здесь еще новость. Они бесятся тем более, что я учтив и благопристоен, и они никак не понимают, в чем именно состоит мое нахальство, хотя и чувствуют, что я нахал» (VI, 73).

Письмо Владимира о его внезапном появлении у тетушки в деревне отражает эту способность видеть в жизни «театр», создать задуманную «сцену», артистически ее разыграть. В письме к другу он в деталях описывает всю мизансцену, в которой есть и «статисты», и «обстановка», и, главное, искомая «реакция» героини: «Наше первое свидание было великолепным. Тетка моя была именинница. Все соседство съехалось. Явилась и Лиза — и едва поверила самой себе, увидев меня... Она не могла же не признаться, что я приехал сюда только для нее. По крайней мере я постарался дать ей это почувствовать». (VI, 73)⁷²).

«Игра» в «Опасных связях» органически связана с одним из важнейших достижений поэтики Лакло — многоголосием. Композиция «Опасных связей» построена на сочетании различных «точек зрения», каждое событие дается через восприятие многих персонажей, всякий раз оно предстает перед читателем в новом освещении⁷³).

Уже первое событие в сюжете — приезд Вальмона к г-же Розмонд — показан в восприятии пяти персонажей. Вальмон видит в нем счастливый случай, представивший ему достойный его усилий, «трудный» объект для любовной атаки, Мертей — досадную помеху в ее планах, Турвель — возможность «обращения» заблудшей души, г-жа Волажж — очередное коварство Вальмона, г-жа Розмонд — радость общения с любимым племянником. Мастерство Лакло особенно ярко проявилось именно в полифонии: различное «видение» мира героями романа определено разницей в их социальном положении, возрасте, характере, темпераменте, культурном уровне.

Многоголосие представлено в «Опасных связях» не только в плане оценки и психологии, но и в плане фразеологии: стилистическая полифония впервые зазвучала в эпистолярном романе. Мы слышим то детски-наивный язык Сесиль, то грубовато-вульгарную речь Азолана, егеря Вальмона, пытающегося подделыв-

⁷²) В этом восприятии жизни как театра слышится переключка с Лакло: «...я так рассчитал время в пути, чтобы явиться как раз тогда, когда все будут за столом. Я действительно упал с неба, как оперное божество в финале спектакля (...) при первом же слове чувствительная святоша узнала мой голос, и у нее вырвался крик» (стр. 293). — описывает Вальмон сцену своего внезапного появления в поместье тетушки, г-жи Розмонд.

⁷³) О «точке зрения» как приеме композиции см.: Б. А. Успенский. Поэтика композиции. «Искусство», М, 1969.

ваться под язык господ, то чувствительно-возвышенную интонацию Дансени, то суховато-деловитую речь стряпчего Бертрана, то благочестиво-назидательную — отца Ансельма. Меняются герои — меняется стиль их писем. Например, Дансени к концу романа взрослеет, расстается с многими иллюзиями и прекраснодушной чувствительностью, и стиль его писем, не утрачивая благородства интонаций, становится суховато-сдержанным.

Классицистическая проза не знала полифонии. Многие из современников Лакло не одобрили его новаторства, полагая, что грубость стиля некоторых писем «испортила» хороший роман. «Это большой недостаток — пытаться дать каждому персонажу его собственный стиль, — писал граф де Тилли в своих мемуарах. — В результате рядом со страницей, блестяще написанной, мы встречаем ненужные наивности или непростительные небрежности, которые кажутся не столько контрастами, сколько пятнами»⁷⁴). Сам Лакло считал стилистическую полифонию своей заслугой и писал в предисловии к роману: «Недостатки эти отчасти, быть может, искупаются одним достоинством, свойственным самой сущности данного произведения, а именно разнообразием стилей (курсив мой — Л. В.) — качеством, которого писателю редко случается достигнуть, но которое здесь возникает как бы само собой, и во всяком случае, спасает от скуки однообразия» (стр. 3).

Удачное исполнение Вальмоном и Мертей их «ролей» зависит от способности уловить чужую «точку зрения» и «построить» соответственно свое поведение и письмо. Способность к игре, умение перевоплощаться даны Лакло в прямой связи с высокой образованностью и культурой героев⁷⁵).

В структуре образа «блестящего» злодея культурная характеристика очень важна. Интеллектуальный «блеск» этих персонажей определен культурой мысли и языка, остроумием, иронией, силой критического подхода. Для Мертей литература — школа жизни и школа «игры»: «Я изучала наши нравы по романам, а наши взгляды по работам философов» (стр. 145). Для нее дар писателя лишен мистического ореола, она полагает, что в какой-то степени и сама его не лишена. По ее мнению, чтобы безошибочно играть свою роль в спектакле жизни, «нужно сочетать ум писателя с талантом комедианта» (стр. 145).

Вальмон и Мертей мастерски подделываются под стиль своих корреспондентов. Знание разных культур, разных стилей, разных

⁷⁴) Цит. по статье А. Эфрос. Шодерло де Лакло и «Опасные связи» в кн. Шодерло де Лакло. Опасные связи. «Academia». М.—Л., 1933, с. 20.

⁷⁵) В письмах Вальмона и Мертей упомянуты Алкивиад, Сократ, Плавт, Лафонтен, Пирон, г-жа Севинье, Дю Беллуа, Грессе, Мармонтель, Пирон, Реньяр, Лесаж, Вольтер, Руссо, Ричардсон, исторические деятели, образы мифологии и библии.

интонаций создают возможность талантливой «смены масок». Когда Мертей с лепкостью меняет благочестиво-елейный тон (к г-же Волажж) на возвышенно-чувствительный (к Дансени) и фамильярно-покровительственный (к Сесиль), а Вальмон покаянно-благочестивый (к отцу Ансельму), на восторженно-робкий (к Турвель) и дружески-доверительный (к Дансени), они выступают не только тонкими психологами, но и знатоками культуры эпохи⁷⁶. Литература для них лучшее руководство для изучения стилей. Издеваясь над возвышенно-сентиментальным слогом, Вальмон иронически замечает: «Кажется, именно так выражается чувствительный Сен-Пре». При этом он так мастерски его имитирует, что его письма и вправду подчас трудно отличить от писем Сен-Пре⁷⁷. Описывая Вальмону любовный спектакль, которым она решила «осчастливить» своего шеваляе, Мертей упоминает литературные тексты, помогшие ей войти в роль: «...читаю главу из «Софы», одно письмо «Элоизы» и две сказки Лафонтена, чтобы восстановить в памяти несколько оттенков тона, который намеревалась усвоить для данного случая» (стр. 29)⁷⁸.

Некоторые особенности своеобразия «Романа в письмах» также связаны с многоголосием. Пушкин здесь продолжает разрабатывать поэтику полифонии, намеченную уже в «Арапе Петра Великого»⁷⁹, и ставшую важным структурным приемом в его зрелой прозе («Повести Белкина»). Сделаем оговорку: в незаконченном произведении, состоящем из десяти писем, элемент многоголосия мог быть только намечен. И все же четыре «голоса» романа, четыре «точки зрения» составляют сложное, емкое видение мира. Герои по-разному оценивают «побег» Лизы в деревню, «погоню» за ней Владимира, по-разному видят и оценивают сцену внезапного появления Владимира в деревне. О восприятии Владимира говорилось выше (стр. 106), а Лиза видит эту сцену так: «Не замечая ничего, сажусь подле хозяйки, гляжу:*** передо мной. Я остолбенела... Он сказал мне несколько слов с видом такой нежной, искренней радости, что и я не имела силы скрыть ни замешательства своего, ни удовольствия (...). Он был молчалив и рассеян. В другое время меня бы очень занимало общее желание привлечь внимание приезжего гвардейского офицера, беспокойство барышень, неловкость мужчин,

⁷⁶ В «Барышне-крестьянке» Пушкина Лиза также в состоянии сыграть две роли благодаря превосходному знанию разных стилей, разных культур, которое органически входило в понятие «светской культуры».

⁷⁷ В «Метели» ассоциация со стилем Сен-Пре возникает в сознании Марьи Гавриловны в момент признания в любви Бурмина: «Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. — Preux» (VI, 115). В тетрадях Пушкина есть выписанные его рукой строки из восьмого письма Сен-Пре. В споре о цели выписок А. Ахматова, основываясь на анализе характера цитируемых строк, высказала предположение, что это был подготовительный материал для письма личного или в художественном произведении. См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. «Academia», М.—Л., 1933, стр. 881.

хохот их при собственных шутках, и между тем учитывая холодность и совершенное невнимание гостя» (VI, 69).

Письма героев пушкинского романа отражают в какой-то мере и стилистическое многоголосие. Правда, здесь нет разительных контрастов, все четыре корреспондента — представители образованного дворянства, люди приблизительно одного возраста, одной культуры. И все же Пушкин стремится передать «девичью» и «мужскую» манеру письма: первая более эмоциональна, напоминает интонацию легкой болтовни, вторая — более степенная и сдержанная⁸⁰; в содержании писем нашла отражение разница интересов «мужских» и «женских». Лизе интересные светские новости, сплетни, «эпиграммы сердца» Саши, а в серьезном плане Пушкин отдал ей свои мысли о литературе. Владимира занимает вопрос положения крестьян, ответственности помещиков, проблема «нового» и «старого» дворянства.

И переход от «обманного» плана к «истинному» нашел отражение в стиле писем: спокойно-насмешливая интонация «обманных» писем Лизы сменяется лихорадочно-взволнованной: «Милая! Мне невозможно долее притворяться, мне нужны помощь и советы, дружки. Тот, от которого я убежала, кого боюсь, как несчастья, — здесь! Что мне делать? голова моя кружится, я теряюсь, ради бога реши, что мне делать» (VI, 68).

Богатство мысли, прелесть и остроумие писем пушкинских героев в значительной мере определены их высокой образованностью, мир культуры — важная органическая часть их жизни. Их письма свидетельствуют о разнообразии интересов, богатстве их внутреннего мира⁸¹.

Независимость мысли, ирония, способность к критическому анализу определяют обаяние образа Лизы, оправдывают ее роль своеобразного «арбитра вкуса». Для нее литература — модель жизни, труд писателя лишен всякой мистической загадочности. В письме к Саше она дает тонкий анализ русских романов XVIII века, выказывает недюжинное воображение, смело предлагает остроумный рецепт для создания нового «современного» романа.

Ощущая свою духовную близость к Клариссе, она в то же время относится к ричардсоновской героине несколько насмешливо. В отличие от романтической Татьяны, (и ее литературных

78) «Письмо содержало в себе признание в любви: оно было нежно, почтительно, и слово в слово взято из немецкого романа», (VI, 334) — говорится в «Пиковой даме» о первом письме Германа Лизе.

79) Ср. «точку зрения» на ассамблею Петра, Ибрагима, Корсакова, Гаврилы Афанасьевича и «дуры» Екимовны.

80) К письмам Владимира применимо пушкинское определение мужской манеры беседы: «Разговор его был прост и важен». Эту характеристику он употребил дважды, в портрете дерптского студента (А. Н. Вульфа VII, 71) и по отношению к Ибрагиму в «Арапе Петра Великого» (VI, 12).

81) В их письмах упомянуты Ричардсон, Луве де Кувре, Лабрюйер, Ламартин, В. Скотт, Адам Смит, Фонвизин, Пушкин, Грибоедов, Вяземский.

предшественниц — Турвель, Валери и др.), для которой «обольстительный обман» «сладостного романа» — сама жизнь, а Кларисса — идеальный образ, Лиза воспринимает героиню Ричардсона не без скептической иронии: «Как смешны твои вечные предположения! Ты подозреваешь во мне какие-то глубокие, тайные чувства, какую-то несчастную любовь — не правда ли? успокойся, милая; ты ошибаешься: я похожа на героиню только тем, что живу в глухой деревне и разливаю чай, как Кларисса Гарлов» (VI, 62).

Разумеется, «игра» у Пушкина носит качественно иной характер, чем у Лакло, что определено различием романов в самой основе, так сказать, по самому «духу» произведений. Лакло строит модель мира жестокого, с развратными, аморальными героями. Пушкин в «Романе в письмах» создает мир светлый и нравственный, ему чужды образы «сверх-злодеев». Все его герои, хотя и далеки от безупречных, «голубых» персонажей, глубоко человечны. Отсюда иной характер «игры» в «Романе в письмах» (не беспощадно-жестокий, а шутивно-лукавый), иной смысл «сатирических наблюдений» и «эпиграмм сердца», которыми обмениваются Лиза и Саша, принципиально иное и отношение пушкинских героев к культуре.

Отношение к культуре Вальмона и Мертей — частное проявление их общего цинического подхода к жизни. Произведения искусства в их восприятии чрезвычайно обеднены сугубо эротической направленностью их интересов, их оценки искажены узостью подхода. За «блеском» внешней образованности часто оказываются пустота и холодное равнодушие к подлинным ценностям искусства.

Пушкинские герои умны и образованны в самом широком смысле, их отношение к культуре не искажено предвзятостью, окрашено живым интересом, их восприятие искусства — восприятие передовых людей эпохи.

Хотя непосредственный разговор о чувствах занимает в «Романе в письмах» сравнительно небольшое место, в нем все же довольно сильно ощущается мастерство Пушкина-психолога. За внешней простотой и безыскусственностью самоанализа героев стоит тонкое понимание душевных движений и пронизательное самонаблюдение.

С еще большей силой пушкинский психологизм проявится в неоконченных отрывках конца 1820—начала 1830 гг., когда появится тема осужденной светом, «незаконной» любви, образ страстно любящей женщины, бросающей вызов свету.

В психологической интерпретации этой темы Пушкин ближе всего к Бенжамену Констану⁸². Однако Бенжамен Констан мно-

⁸² См. А. Ахматова. «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. Пушкинский Временник, I, 1936.

гое взял от Лакло, Пушкин как бы испытал опосредованное через Констанана воздействие автора «Опасных связей».

«Опасные связи» — первый французский роман аналитического психологизма, Констан и Стендаль в дальнейшем углубят метод Лакло. Жизнь души подвергнута в «Опасных связях» скрупулезному анализу, герои Лакло «анатомируют» чувство, изучают логику страсти, диалектику ее развития. Особенно удаётся французскому писателю изображение тончайших переходов, переломов, нарастаний и спадов в жизни души. В конспекте статьи об «Опасных связях» Шарль Бодлер, выделяя в психологизме Лакло самое главное, записал: «Мощь расиновского анализа. Градация. Переходы. Нарастания. За исключением Стендаля, Сент-Бева и Бальзака, талант редкий в наши дни»⁸³.

Эти качества в какой-то мере свойственны и пушкинской прозе. Уже в «Арапе Петра Великого» (1827) пять страниц истории любви Ибрагима к графине Д., от момента возникновения страсти до рождения черного ребенка — блестящий образец такого рода психологизма. С «головокружительной краткостью»⁸⁴, изяществом и тактом отмечены здесь все этапы развития чувства Ибрагима, переходы, переломы, градация. Настороженное недоверие Ибрагима к любезности светских кокеток, благодарность к графине за ее учтивую индифферентность, ощущение «раскованности» благодаря появившемуся доверию, стремление Ибрагима видеть ее, бескорыстие неосознанного чувства, перелом, вызванный замечанием постороннего, нарастание страсти в связи с надеждой, упоение полной близостью, страдания от злословия света, решение расстаться и, наконец, прекрасное прощальное письмо Ибрагима — все это поместилось на нескольких страницах⁸⁵. Весь этот отрывок, сверкающий как драгоценный бриллиант в ткани исторической повести, — подлинное открытие в русской

⁸³. Charles Baudelaire. Les liaisons dangereuses. p. 178.

⁸⁴. См. Неизданные заметки А. Ахматовой о Пушкине.

⁸⁵. В некоторых афористических наблюдениях Пушкина слышится отзвук манеры Лакло. Напр. «Сладостное внимание женщин, почти единственная цель наших усилий...», «Любовь не приходила ему на ум, а уже видеть графиню каждый день было ему необходимо», «Ничто так не воспламеняет любви, как ободрительное замечание постороннего», «Молва приписывала ей любовников, но по снисходительному уложению света она пользовалась добрым именем, ибо нельзя было упрекнуть ее в каком-либо смешном или соблазнительном приключенье». Точность и изящество психологического анализа становятся возможными в значительной степени и потому, что Пушкин в «Арапе Петра Великого» создает блестящий образец русского «метафизического» языка. Как известно, в борьбе за прозу задача выработки языка «мысли» и «чувства» занимала в 1820-х гг. важное место. Пушкин, Вяземский, Баратынский, М. Ф. Орлов отмечали неразработанность русского «метафизического» языка и трудности, стоящие в связи с этим перед прозаиками. (Лучший иллюстрацией этих трудностей могут служить переводы на русский язык «Адольфа» Бенжамена Констанана, П. А. Вяземского и Н. А. Полевого. См.: Л. Вольперт, «Адольф» Бенжамена Констанана в переводах П. А. Вяземского и Н. А. Полевого. Пушкин и его современники. Псков, 1970.

Идеи

литературе. До Пушкина психологические описания часто страдали растянутостью и излишней чувствительностью. Кроме того, Карамзин чаще всего стремился к описанию чувств платонических и неземных, Пушкин же с новаторской смелостью изобразил, как самое высокое и чистое чувство, земную и «грешную» страсть.

К этому описанию примыкают и страницы о жизни души в неоконченных отрывках «Гости съезжались на дачу» и «На углу маленькой площади», в плане романа «Светский человек»⁸⁶. Интерпретация темы «незаконной» любви, осуждаемой светом, страдания женщины, бросившей вызов обществу, быстрое охлаждение эгоистичного героя показаны Пушкиным с подлинным психологическим мастерством. Здесь, хоть и очень приглушенно, также иногда слышится перекличка с «Опасными связями». Необычные отношения Зинаиды Вольской и Минского, темы и характер их бесед, фамильярно-циничная откровенность Минского, бунт Вольской против условностей света, «злопамятное самолюбие» Минского чем-то неуловимым перекликаются с отношениями Вальмона и Мертей.

Не случайно, по-видимому, что второе из имеющихся пушкинских упоминаний «Опасных связей» находится именно в этом отрывке. В разговоре с Вольской, высмеивая одну за другой возможные кандидатуры на роль ее возлюбленного, о некоем Б*** Минский высказывается так: «Он слишком для вас ничтожен... Весь ум его почерпнут из *Liaisons dangereuses*, так же как его гений выкраден из Жомини. Узнав его короче, вы будете презирать его тяжелую безнравственность, как военные люди презирают его пошлые рассуждения (VI, 565).

Приведенное упоминание весьма важно, так как это единственное известное нам высказывание Пушкина о романе Лакло. Оценка «Опасных связей» дана здесь опосредованно в сложном контексте, она построена не просто, так сказать, «с двойным дном». Сложность не в том, что слова произнесены не Пушкиным, а его героем (в данном случае можно считать мнение Минского близким пушкинскому), а в том, что речь идет не столько о самом романе, сколько о восприятии «Опасных связей» одним из его читателей. При этом параллель с трудами Жомини вызывает множество добавочных ассоциаций.

Прежде всего «Опасные связи» упомянуты здесь как произведение весьма популярное, широко известное, ссылка на него не нуждается в добавочных комментариях или разъяснениях. Роман Лакло известен так же широко, как и модные военно-теоретические труды генерала Жомини.

В то же время «Опасные связи» охарактеризованы как роман,

⁸⁶ В наметках плана романа «*L'homme du monde*» нашли отражение сюжетные повороты, близкие отдельным ситуациям «Опасных связей». «Любовник, который смеется над ней... Связь. Любовник афиширует ее».

в первой главе «Евгения Онегина» «наука страсти нежной» несколько утратила теперь в глазах Пушкина свое обаяние:

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян,
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.

(V, 78).

Да и сам роман, возможно, казался теперь Пушкину несколько устарелым⁹⁰. Знаменательно, что и Стендаль, высоко ценивший произведение Лакло, назвал его однажды «молитвенником провинциалов», примешав к лестному комплименту некоторую долю иронии⁹¹.

Таким образом, небольшое по размеру, но чрезвычайно ёмкое высказывание Пушкина об «Опасных связях» охватило целый комплекс идей. В нем нашли отражение и хрестоматийная известность книги, и особенности рецепции «Опасных связей» в России, и высокая (хотя и не лишенная критического подхода) оценка Пушкиным знаменитого романа Шодерло де Лакло.

⁹⁰. Следует учитывать также, что на отношение Пушкина к «Опасным связям» наложились его несколько изменившаяся оценка в конце 1820-х гг. французского XVIII века в целом. В это время Пушкин кое-что пересматривает из убеждений своей юности, изменяется его отношение к французской просветительской мысли, атеистической и вольнодумной, а также к французской литературе конца XVIII века.

⁹¹. Стендаль. Собрание сочинений в пятнадцати томах, т. 15, стр. 265.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, т. 483

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

Псков, 1972 г.